

Имя Михаила Юрьевича Лермонтова всегда оставалось символом постижения Кавказа передовой частью российского общества, именно под его пером кавказская составляющая русской литературы поднялась с романтически-приключенческой ступеньки до высот подлинного реализма и глубокого осмысления русско-кавказских отношений, позднее продолженного Львом Николаевичем Толстым. И одним из первых проводников поэта на этом пути оказался загадочный сын двух культур Мехти Асан-Хан.

Библиографический список

1. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские государственные образования в кавказской политике России (вторая половина XVI – первая половина XVIII в.): дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2022. 517 с.
2. Алиев К.М. Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.). Махачкала: Дельтар-Пресс, 2010. 376 с.
3. Алиев К.М. Михаил Лермонтов и его кумыкские сослуживцы // Ёлдаш. 2014. 18. 07.
4. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008. 203 с.
5. Алхлавова И.Х., Хидирова Э.С. «Хаджи Абрек» М.Ю. Лермонтова: к вопросу генезиса поэмы и аутентичности фольклорной основы // Litera. 2020. № 11. С. 57–71.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 4. Д. 323.
7. Гусейнов Ю.М. Эволюция и корреляция мусульманского права и адата у кумыков в XVIII–XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2023. 435 с.
8. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. М.: Центрополиграф, 2018. 799 с.
9. Идрисов Ю.М. К истории Какашуринского удела Мехтулинского ханства в первой половине XVIII века // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 83–86.
10. О гербе хана аварского. [Электронный ресурс]. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/4529.html> (дата обращения: 18.12.2024).
11. Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1954. 215 с.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 3. Оп. 1. Д. 10.
13. Шихалиев Ш.Ш., Тахнаева П.И., Чмилевская И.А. Некрополь рода Мехтулинских ханов в с. Нижний Дженгутай (кладбище «Делет-къабурлар») // Ориенталистика. 2023. № 6 (1). С. 24–54.

Я. С. Артамонов

К вопросу о состоянии богослужбной культуры Греко-католической церкви на Западных окраинах империи накануне Полоцкого собора 1839 г. (на материале рукописных служебников)

Богослужбная культура Западнорусской Греко-католической церкви, некогда распространенная на землях Речи Посполитой, является одним из важных объектов при исследовании как исторической литургики и христианского искусства, так и протонациональных идентичностей и имперских практик по интеграции и ассимиляции. Униатские таинства и обряды, изначально зиждущиеся на византийско-славянской традиции,

к рубежу XVIII–XIX вв. подверглись основательной латинизации. В данной статье на материале рукописных служебников из фонда № 834 Российского государственного исторического архива рассматриваются богослужебные особенности Греко-католической церкви, неприемлемые для Святейшего Синода и подлежащие обязательному исправлению.

The sacramental culture of the Western Russian Greek Catholic Church, once widespread in the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth, is one of the important objects in the study of both historical liturgics and Christian art, as well as proto-national identities and imperial practices of integration and assimilation. The Uniate sacraments and rituals, originally based on the Byzantine-Slavic tradition, underwent a thorough Romanization by the turn of the the 18th – 19th centuries. This article examines the liturgical features of the Greek Catholic Church, unacceptable to the Holy Synod and subject to mandatory correction, based on handwritten missals from the collection № 834 of the Russian State Historical Archive.

Ключевые слова: Брестская уния, Греко-католицизм, Западнорусский край, служебники, литургия.

Key words: Brest Union, Greek Catholicism, Western Russian region, missals, liturgics.

Одним из самых интересных и сложных феноменов истории Центрально-Восточной Европы является Западнорусская Греко-униатская церковь. Уже к середине XVII в. второе поколение униатов могло наблюдать активный синтез православных и католических традиций в богослужении, системе духовного образования, морали и ментальности клира и паствы. Несмотря на изначальные договоренности с Римом о сохранении в унии всех элементов, присущих греческой церкви, а также последующие постановления курии о неприкосновенности восточного обряда, латинизация развивалась необратимо, а решения Замоиского собора 1720 г. придавали ей новый импульс. Результатом данного процесса стало формирование оригинальных традиций в религиозной и культурной жизни белорусского и украинского обществ, на что сегодня обращают внимание представители различных научных школ и направлений [4, с. 284; 7, с. 256; 33, р. 12].

Ликвидация Греко-католической церкви в первой половине XIX в. и последующая интеграция верующих Западнорусского края в лоно Греко-российской церкви были сопряжены с тенденциями унификации, размывшими сложившуюся (-иеся) идентичность (-и). Одним из важнейших маркеров оной (оных) являлось греко-католическое богослужение, история и особенности которого изучены крайне слабо. Ангажированная имперская риторика относительно данной проблемы, сочетавшая, с одной стороны, немногочисленные исследования в сравнительно-критическом ключе [5; 30], с другой, тотальное уничтожение наяву непосредственных источников для штудий (предметов богослужебного обихода, литургических традиций, оригинальной архитектуры зданий и т.п.), обусловила подобную лакуну в историографии. Господствовавшая в прошедшем столетии историческая парадигма также не способствовала всестороннему изучению темы, поэтому заполнение данного пробела стало возможным только в наше время.

Вопросы стилистических и конструктивных особенностей монастырских, приходских и кладбищенских храмовых построек, а также эволюции традиций церковного зодчества в контексте разделов Речи Посполитой и включения её земель в состав имперской структуры, нашли своё освещение в недавних работах И.Н. Слюньковой [25; 26]. Западнорусской церковной живописи и скульптуре посвящены несколько десятков современных публикаций Г.А. Фликоп-Свито [28; 29], продолжательницы на этом поприще дела Н.Ф. Высоцкой, с 60-х гг. прошлого века и по сей день собирающей и исследующей белорусское изобразительное искусство [6; 23]. История развития духовной музыки и церковной певческой культуры рассматривается в публикациях Л.А. Густовой [2; 3] и Л.Н. Ядловской [32].

Не отстает от этих направлений изучение непосредственно западнорусской богослужебной литературы и литургических традиций. Так, уже проанализированы первые виленские требники начала XVII в. [1] и этапы развития Божественной Литургии в XVI–XVIII вв. на белорусских [24; 27] и украинских землях [31]. Исследования книг греко-католической печати вкупе со штудиями в искусствоведческой области подтвердили тезис о латинизированном характере богослужебной культуры униатской церкви в XVIII вв.

Развивая данное направление, предлагаем обратиться к рукописным служебникам-миссалам из фонда № 834 Российского государственного исторического архива (РГИА), до настоящего момента не привлекавшим внимания историков. На страницах данной работы мы не ставим цель изучить все 17 сохранившихся памятников (Ф. 834. Оп. 1. Д. 742–758) с методологических позиций кодикологии, филологии и исторической литургики. Наша задача – показать наиболее яркие проявления латинизации богослужения, учитывая, что рассматриваемые служебники переписывались со (старо)печатных униатских изданий уже после Замойского собора, потому обильные заимствования из католических миссалов вполне закономерны. Только 6 рукописей датированы самими авторами-переписчиками, оставившими соответствующие записи либо внутри входных миниатюр, либо на заключительном листе: это памятники 1729 г. [14, л. 1–2], 1739 г. [12, л. 1], 1773 г. [20, л. 1], 1776 г. [16, л. 42 об.] и два служебника 1777 г. [15, л. 1; 21, л. 3 об.]. Остальные по ряду признаков (контрамаркам, типам кириллического и латинского письма, графике, структуре текстов и их содержанию) также можно отнести к XVIII в., а некоторые листы – к XVII в.

Сравнивая рукописные служебники со (старо)печатными, отметим, что переписчики в целом следовали оригиналу, не привнося ничего нового в тексты Проскомидии, Божественных Литургий, служб святым и отдельных чинов (за исключением маргиналий позднего времени). Соответственно, чуждые греческому богослужению (в российском варианте XVIII в.) элементы так или иначе оказывались на страницах рукописей, несмотря на различия в структуре и объеме памятников (от 13 до 272 листов).

Так, практически во все служебники включена служба святому Иосафату Кунцевичу [9, л. 134 об.–136 об.; 10, л. 181–182 об.; 12, л. 72 об.–73 об.], почи-

тание которого установилось практически сразу после гибели Полоцкого архиепископа. Присутствуют службы святым исключительно Римской церкви – Антонию Еромонаху/Спадве (Антонию Падуанскому) [10, л. 228–229; 11, л. 3, 78 об.; 16, л. 27–27 об.], преподобному отцу Францешку Серафицкому/Серафимскому (Франциску Ассизскому) [10, л. 238 об.–239 об.], Казимеру Исповеднику [10, л. 229–229 об.], священномученику и исповеднику Иоанну Непомцену (Яну Непомуцкому) [10, л. 238–238 об.]. Тексты Божественных Литургий святителей Иоанна Златоуста и Василия Великого сопровождаются неоднократными указаниями на то или иное положение рук священника в определенных моментах богослужения. Латинская природа обозначения и практики «съвокупше же руце при перси» подчёркивалась ещё в третьей четверти XIX в. протоиереем А.Ф. Хойнацким, автором единственной фундаментальной монографии по теме [30, с. 58]. Наконец, *Filioque* присутствует в Символе веры практически всегда, когда он приводится полностью [10, л. 141 об.; 13, л. 25 об.; 15, л. 14 об.; 16, л. 13; 17, л. 12 об., 25 об.; 18, л. 12 об.; 19, л. 13 об.; 22, л. 12], за исключением одного случая [21, л. 8].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что рукописные греко-католические служебники XVIII в., наряду со (старо)печатными, живо свидетельствуют о латинизации богослужебной культуры Западнорусской униатской церкви. Учитывая крайне ветхое состояние, в каком находились данные книги, нередко имевшие пропуски листов в важнейших моментах Божественной Литургии, неудивительна констатация российским правительством в 1830-х гг. невозможности восстановления греческого обряда без скорейшего снабжения храмов новой литературой [8, л. 24, 35]. Так или иначе, греко-католическая книжность представляется важным и ценным источником при изучении синтеза культур *Slavia Romana* и *Slavia Orthodoxa*, а латинизация – одним из феноменов данного взаимодействия.

Библиографический список

1. Антоний (Доронин), игумен. Первая редакция Белорусского требника 1617–1618 гг. // Труды Перервинской православной духовной семинарии (научно-богословский журнал). 2012. № 4 (1). С. 111–126.
2. Густова Л.А. Развитие православной богослужебной формы в обряде Греко-католической церкви Речи Посполитой: противоречия и модификации // Царква. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.churchby.info/rus/856> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Густова Л.А. Церковное пение. Белорусская певческая культура православной традиции. Минск: Харвест, 2013. 224 с.
4. Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом: Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. 316 с.
5. Извеков Н.Д., протоиерей. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839 по 1889 г. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1899. 522 с.
6. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагодзяў. Минск: Беларусь, 1992. 230 с.
7. Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). Гродна: ГрДУ, 2001. 352 с.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 797. Оп. 7. Д. 23147А.
9. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 742.

10. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 743.
11. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 744.
12. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 745.
13. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 746.
14. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 749.
15. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 750.
16. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 751.
17. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 752.
18. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 753.
19. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 754.
20. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 755.
21. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 756.
22. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 758.
23. Сакральны жывапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў. Минск: Беларусь, 2007. 219 с.
24. Сенченко Л.Л., иерей. Историко-литургическое исследование чинопоследования Божественной литургии на белорусских землях в XVI–XVIII вв.: дис. ... канд. богословия. Жировичи, 2014. 250 с.
25. Слюнькова И.Н. Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 600 с.
26. Слюнькова И.Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 615 с.
27. Соловьев Р.Ю., иерей. Белорусская литургия XVI–XVII веков: некоторые характерные особенности эволюции // Сохранение национальной идентичности белорусского общества: прошлое, настоящее: материалы Республиканской научной конференции, Барановичи, 21 апр. 2016 г. Барановичи: РИО БарГУ, 2016. С. 207–211.
28. Фликоп-Свито Г.А. Иконостасы белорусских православных и греко-католических храмов в XVII – начале XIX века: сравнительный аспект // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 5. С. 564–574.
29. Фликоп-Свито Г.А. «Местные алтари» – уникальное явление греко-католической Церкви Беларуси (конец XVII – начало XIX в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 2. С. 159–178.
30. Хойнацкий А.Ф., протоиерей. Западно-русская церковная уния в ее богослужении и обрядах. Киев: Киево-Печерская лавра, 1871. 475 с.
31. Шелешнев М.Д. Развитие и современное состояние литургической традиции украинской греко-католической церкви XVIII века: проблема соотношения религиозного и научного знания // Богословско-исторический сборник. 2023. № 2 (29). С. 24–32.
32. Ядловская Л.Н. Православное певческое искусство Беларуси рубежа XVI–XVII веков: особенности развития // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 1 (5). [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnikkguki.esrae.ru/ru/6-r104> (дата обращения: 01.11.2024).
33. Skinner B. The Western front of the Eastern church Uniate and Orthodox conflict in 18th-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009. 295 p.

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Генерал-губернаторский корпус Азиатской России и его особенности

Рассматриваются особенности генерал-губернаторского управления на территории Азиатской России: социологическая характеристика, географии власти и ее трансформация, специфики генерал-губернаторского правления – коллегиальные советы, дипломатическая деятельность, социальный портрет генерал-губернаторского корпуса.

The features of governor-general administration in the territory of Asian Russia are considered: sociological characterization, geography of power and its transformation, specifics of governor-general administration – collegial councils, diplomatic activity, social portrait of the governor-general corps.

Ключевые слова: Империя, Азиатская Россия, Сибирь, география власти, генерал-губернаторы, управление.

Key words: Empire, Asian Russia, Siberia, geography of power, governors-general, governance.

Процессы формирования имперского пространства России, имперской географии власти неразрывно связаны с формированием образов, географических границ и самого названия вновь присоединенных территорий.

В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия, отмечалось, что к понятию Азиатская Россия следует относить не только всю Сибирь и Дальний Восток, но присоединенные к России во второй половине XIX в. территории Средней Азии и Казахстана. Именно в этих исторических границах определяется география данной публикации. Значительные различия между губерниями Европейской России и Сибирью обуславливали необходимость разработки специальной, «сибирской» модели управления, в которой бы учитывалась региональная специфика края: особенности его геополитического положения, пестрый национальный состав населения, размеры территории, наличие ссылки, приграничное положение и пр.

В соответствии с реформой М.М. Сперанского 1822 г. в Сибири высший уровень – Главное управление – составляли генерал-губернатор и возглавляемый им совет. Введение советов стало новшеством не только в сибирской, но и в общероссийской административной практике. Сферу влияния генерал-губернатора составляли наиболее важные вопросы управления, надзор за деятельностью местных органов путем ревизии их дел, назначение и увольнение чиновников, представление к наградам и пр. [4, параграфы 18–20]. По аналогичной схеме было организовано губернское и окружное управления. В «сибирском учреждении» 1822 г. содержалось два взаимоисключающих себя положения: идея о единоличном правлении генерал-губернатора и попытка ограничить это правление деятельностью коллегиальных советов. Сопоставление данной особенности генерал-губернаторского правления в Сибири с деятельностью этой системы власти в других районах империи позволяет охарактеризовать ее как совершенно уникальное проявление имперского регионализма, характерное только для данного региона. Даже в других азиатских генерал-губернаторствах империи, несмотря на все их своеобразие, не было ничего подобного. Отражением стратегических и внешнеполитических интересов империи на востоке вплоть до конца XIX в. стало наделение внешнеполитическими полномочиями высших руководителей окраинных регионов. С учетом

активизации политики России на азиатском и дальневосточном рубежах непосредственно связано одно требование, которому должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России второй половины XIX в. – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности [1].

Июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Его геополитические особенности наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации. Генерал-губернатор являлся не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а губернии Тобольская и Томская подчинены непосредственно министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и о. Сахалин. На этом завершились преобразования института генерал-губернаторской власти на востоке государства, да и в империи в целом. Характерно, что пять из девяти постоянных генерал-губернаторств располагались на территории Азиатской части империи.

За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 гг. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около шести лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – шесть лет. В Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – четыре года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинах генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – шесть лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А.С. Лавинский, В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев, М.С. Корсаков и А.Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд и П.Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф.Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н.В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А.С. Меньшикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.). Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Харак-